

410

Секретно

УРСР

УССР

КОМИТЕТ ДЕРЖАВНОЇ БЕЗПЕКИ
при РАДІ МІНІСТРІВ УКРАЇНСЬКОЇ РСР

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УКРАИНСКОЙ ССР

17

ИЮНЯ 1969 г.

№ 423 / *ч*

г. Киев.

Озм. 5-Овгородня
21. VI 1969

Секретно

Экз. № 1

РОЗСЕКРЕЧЕНО

"7" 12 2009р. № 24/35/4-55

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
У К Р А И Н Ы

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

За последнее время имеют место случаи засылки по почтовому каналу в адрес официальных учреждений Украины из ЧССР писем с вложениями идейно-вредных документов.

По данному факту нами информирован КГБ при СМ СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ: указанные документы на 2-х листах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УКРАИНСКОЙ ССР

2004

Григорук

При використанні матеріалів
поширення на ГДА СБ України
/в. Пикитченко/
є обов'язковим

ЦК КП України
Загальний відділ. II сектор
Вх. № 2393/16 3 арк.
17 VI 1969 р.
Підлягає зберіганню
зак. 844-1967 г.

При використанні матеріалів
посилання на ГДА СБ України
є обов'язковим

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

к советской интеллигенции от гражданина Чехословакии.

Уважаемый друг!

Простите мне это обращение. Мы привыкли у нас так называть русских людей — русских людей, которые принесли нам свободу, которые приходили к нам как друзья, как братья...

Это искреннее чувство было, с начала прошлого года, нарушено постоянным распространением лживых информации о событиях у нас, и позже — в течение одной ночи оно было уничтожено. Те, которых считали мы братьями, вошли в нашу страну, как захватчики, ночью... Это вызвало не только возмущение наших народов, это вызвало распад наших с Вами отношений.

Страшно, что это вероломное нападение на нашу страну называется «братской помощью». Слово братство потеряло свое значение для русских коммунистов. Те, которые ответственны за все что произошло, не знают границ во лжи. Разве они были кем-нибудь призваны, чтобы нас защищать? Призваны? Кем? До сих пор это не известно. Защищать? От кого? От контрреволюции? Что это?

Только с любовью могли мы встретить русских солдат в нашей стране. Мы численно маленькие народы, и потому эта любовь и наши идеи были всегда нашим оружием против насилия. Никакого другого оружия не было применено против вашей страны и против русских солдат. Разве возможно таким оружием убить человека? Как можно объяснить ту грязную ложь, которая у вас теперь распространяется, что будто бы у нас было убито несколько тысяч ваших солдат в бою с контрреволюционерами. В нашей стране никто не применил оружия против ваших солдат — ни один не был убит. Откуда эти мертвые, или лучше, куда исчезают эти живые-мертвецы?.. На этот вопрос я не имею ответа. Если ваши солдаты были способны убить более чем сто наших невооруженных людей, нередко почти детей, мы могли себе представить то, на что они были способны, если бы кто-нибудь взял оружие против них. Они стремились найти за какую угодно цену контрреволюцию или контрреволюционеров. Это была трудная задача в стране, где ничего подобного не было. Поэтому, разоружив нашу рабочую милицию, захватчики создали новую ложь об оружии контрреволюционеров. Те, которые это сделали, хорошо знают, что всё, что они говорят, есть ложь. В чем они видят контрреволюцию? В том, что мы дали каждому гражданину право свободно выражать свое собственное мнение, а не только «право» соглашаться со всем и не иметь собственного мнения. У нас не было ни цензуры, ни лагерей, ни ссылок. Мы не применяли насилия. Мы считаем, что коммунизм невозможно связывать только с насилием группы людей и страхом насилия, мы утверждаем, что коммунизм возможно и должно связывать со свободой человека — человека, освобожденного от страха. Коммунизм можно связывать с гуманизмом, с демократией. Коммунистические идеи достаточно сильны не только в среде, в которой все другие идеи уничтожены насилием, но и в среде, где они должны постоянно противопоставляться другим идеям. Это для них не опасно, а полезно и нужно. В истории человечества еще не было идей, которые не изменялись бы с течением времени. В прошлом году Советский Союз показал всему миру, что это всё невозможно. В течение 50-ти лет никакая против-коммунистическая пропаганда не сделала столько, как «защита» идеи коммунизма в Чехословакии в прошлом году.

В чем вы видели у нас контрреволюцию? В собственном мнении группы наших граждан, выраженном в статье: «2 000 слов»? Что случилось с Россией, если она в ответ на это послала против нас 3 000 танков? Я не совсем прав. Ка-

є обов'язковим

Додаток до вк. 2393/16

17 VI 1969 р.

кой то «неизвестный», написал книгу: «К событиям в Чехословакии», которая теперь нелегально распространяется и в нашей стране (подобно как и журнал «Управы») на языке, названном автором чешским языком. Я не хочу здесь заниматься критикой этого «дела». Нет лучшей критики как тот факт, что *не нашлось ни одного человека в нашей стране, который пожелал бы перевести этот сборник лжи на наш язык.*

Я не надеюсь, что Вы будете согласны со всем, что я Вам пишу. Возможно, что Вы мое письмо даже и не получите — к сожалению, и это возможно. Возможно, что я для Вас антикоммунист и контрреволюционер. Если бы кто-нибудь, из-за этого моего «личного мнения», считал бы меня контрреволюционером — считайте такими контрреволюционерами 14 миллионов наших граждан, не исключая рабочий класс. Это уже не только мое «личное мнение». Если бы это поняли или хотели бы понять в Советском Союзе, это могло бы уменьшить трагедию не только моего народа, но и русского народа и трагедию всемирного, коммунистического движения.

Возможно, что у вас кто-нибудь пишет, что у нас существует ненависть к советским людям. Нет, это неправда, *мы жалеем русских людей.* Мы только не способны быть сердечными с теми, которые пришли к нам как захватчики.

В сердце осталась неизгладимая боль. Наши люди не понимают почему идет брат против брата. Да, *почему?* Это слово могли читать русские солдаты в глазах наших людей, на зданиях по всей стране — это были последние слова умирающих, не имеющих ненависти к русскому народу. Это слово я никогда не забуду!

Я задавал себе часто этот вопрос, но я долго не находил на него ответа. Только прочитав произведения некоторых выдающихся сов. писателей: Солженицына, Пастернака и др. — произведения, которые до сих пор не доступны тем, для которых они были написаны, я начал понимать трагедию моего и вашего народа, и потому я Вам пишу. Наша судьба общая. Мы должны узнать лучше друг друга — верить друг другу. Только в этом состоит основа настоящего братства, а не в постоянных фразах о «вечной дружбе» и «неразделимом братстве». Я уверен, что если бы Вы знали не только ложь, но и правду о событиях в нашей стране, Вы и Ваш народ разделяли бы радость, в которой мы жили в первой половине прошлого года. Вы бы не допустили, чтобы всё это прекрасное движение для улучшения условий жизни человека в нашей стране было насильем уничтожено.

Свобода исчезла в нашей стране — слова опять теряют свое значение и превращаются в пустые фразы. Растет расстояние между словами и действиями. Но свободу — Свободу мысли у нас никто не отнимет, — нет и не будет таких танков и тюрем, с помощью которых это было бы возможно. Те, которые эти средства насилия используют с такой целью, покажут всему миру не свою силу, а свою слабость.

За этот трагический шаг ответственна не только группа людей руководящих. У нее возможно «оправдание», что у нее это был вопрос ее политической жизни. Ответственны и все те, которые не стремились знать правду и принимали ложь вместо правды, и те, которые правду знали, но не нашли достаточно силы, чтобы преодолеть страх. Результат: Москва, как столица всемирного коммунизма, уже почти мертва. Чтобы такая же судьба не постигла и всемирное коммунистическое движение, надлежит теперь вам, прежде всего Советской интеллигенции, всё сделать. Это теперь ваш долг, и долг всех коммунистов мира, бороться до тех пор, пока свобода выражения собственного мнения в Вашей, а теперь и в моей стране, не будет принадлежать к основам человеческой свободы.

Ваш гражданин Чехословакии.

ПИСЬМО IV-му ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

(вместо выступления)

В президиум съезда и делегатам,
Членам ССП,
Редакциям литературных газет и журналов.

Не имея доступа к съездовской трибуне, я прошу Съезд обсудить:

I - то нетерпимое дальше угнетение, которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры и с которым Союз Писателей не может мириться впредь.

Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затушеванным именем «Главлита» тлотеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура долаживает свои мафусайловы сроки едва ли не в XXI век! Тленная, она тянется присвоить себе удел петлениного времени : отбирать достойные книги от недостойных.

За нашими писателями не предполагается, не признается права высказывать опережающие суждения о нравственной жизни человека и общества, по-своему изяснять социальные проблемы или исторический опыт, так глупоко выстраданный в нашей стране. Произведения, которые могли бы выразить назревшую народную мысль, своевременно и целительно повлиять в области духовной или на развитие общественного сознания, — запрещаются либо уродуются цензурой по соображениям мелочным, эгоистическим, а для народной жизни недальновидным.

Отличные рукописи молодых авторов, еще никому неизвестных имен, получают сегодня из редакции отказы лишь потому, что они « не пройдут ». Многие члены Союза и даже делегаты этого Съезда знают, как они сами не устоявали перед цензурным давлением и уступали в структуре и замысле своих книг, заменяли в них главы, страницы, абзацы, фразы, снабжали блеклыми названиями, чтобы только увидеть их в печати, и тем непорочно искажали их. По понятному свойству литературы все эти искажения губительны для талантливых произведений и совсем нечувствительны для бездарных. Именно лучшая часть нашей литературы появляется в свет в искаженном виде.

А между тем, сами цензурные ярлыки (« идеологически-вредный », « порочный » и т. д.) недолговечны, текуци, меняются на наших глазах. Даже Достоевского, гордость мировой литературы, у нас одно время не печатали (не полностью печатают и сейчас), исключали из школьных программ, делали недоступным для чтения, поносили. Сколько лет считался « контрреволюционным » Есенин (и за книги его даже давались тюремные сроки) ? Не был ли и Маяковский « анархистующим политическим хулиганом » ? Десятилетиями считались « антисоветскими » неувядаемые стихи Ахматовой. Первое робкое напечатание ослепительной Цветаевой десять лет назад было объявлено « грубой политической ошибкой ». Лишь с опозданием в 20 и 30 лет нам возвратили Бунина, Булгакова, Платонова, неотвратимо стоят в череду Мандельштам, Волошин, Гумилев, Клюев, не избежит когда-то « признать » и Зямытина, и Ремизова. Тут есть разрешающий момент — смерть неугодного писателя, после которой, вскоре или нескоро, его возвращают нам, сопровождая « объяснением ошибок ». Давно ли имя Пастернака нельзя было и вслух произнести, но вот он умер — и книги его издаются, и стихи его цитируются даже на церемониях.

Воистину сбываются пушкинские слова :

Они любить умеют только мертвых !

Но позднее издание книг и « разрешение » имен не возмещает ни общественных, ни художественных потерь, которые несет наш народ от этих уродливых задержек, от угнетения художественного сознания. (В частности, были писатели 20-х годов — Ильиник, Платонов, Мандельштам, которые очень рано указывали и на зарожждение культа и на особые свойства Сталина, — однако их уничтожили и заглушили вместо того, чтобы к ним прислушаться). Литература не может развиваться в категориях « пропустит — не пропустит », « об этом можно — об этом нельзя ». Литература, которая не ест воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь — косметики. Такая литература теряет доверие у собственного народа, и тиражи ее идут не в чтение, а в утильсырье.

Наша литература утратила то ведущее мировое положение, которое она занимала в конце прошлого века и в начале нынешнего, и тот блеск эксперимента, которым она отличалась в 20-е годы. Всеу миру литературная жизнь нашей страны представляется сегодня неизмеримо бедней, площе и ниже, чем она есть на самом деле, чем она проявила бы себя, если б ее не ограничивали, не замыкали. От этого проигрывает и наша страна в мировом общественном мнении, проигрывает и мировая литература : располагай она всеми несчисленными плодами нашей литературы, углубись она нашим духовным опытом — все мировое художественное развитие пошло бы иначе, чем оно идет, приобрело бы новую устойчивость, вошло бы даже на новую художественную ступень.

И предлагаю Съезду принять требование и добиться упразднения всякой — явной или скрытой — цензуры над художественными произведениями, освободить издательства от повинности получать разрешение на каждый печатный лист.

II - ... обязанности Союза по отношению к своим членам. Эти обязанности не сформулированы отчетливо в уставе ССП (« защита авторских прав » и « меры по защите других прав писателей »), а между тем за треть столетия плачевно выявилось, что ни « других », ни даже авторских прав чинимых писателям Союза не защитил.

€ обов'язковим

Секретарь...
Додаток до вк. № 17. VI
2398/16
19

Многие авторы при жизни подвергались в печати и с трибун оскорблениям и клевете, ответить на которые не получали физической возможности, более того, — личным стеснением и преследованием (Булгаков, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Зощенко, Платонов, Александр Грин, Василий Гроссман). Союз же писателей не только не представлял им для ответа и оправдания своих печатных изданий, не только не выступил сам в их защиту, — но руководство Союза неизменно проявляло себя первым среди гонителей. Имена, которые составят украшение нашей поэзии XX века, оказались в списке исключенных из Союза либо даже не принятых в него! Тем более руководство Союза малодушно покидало в беде тех, чье преследование окончилось ссылкой, лагерем и смертью (Павел Васильев, Манделштам, Артем Веселый, Пильник, Бабель, Табидзе, Заболоцкий и другие). Этот перечень мы вынуждены обрывать словами «и другие»; мы узнали после XX съезда партии, что их было более шестидесяти — ни в чем не виноватых писателей, кого Союз послушно отдал их тюремно-лагерной судьбе. Однако свиток этот еще длинней, его закрутившийся конец не прочтывается и никогда не прочтется нашими глазами: в нем записаны имена и таких молодых прозаиков и поэтов, кого лишь случайно мы могли узнать из личных встреч, чьи дарования погибли в лагерях нерасцветшими, чьи произведения не пошли дальше кабинетов госбезопасности времен Ягоды-Ежова-Берин-Абакумова.

Новоизбранному руководству Союза нет никакой исторической необходимости разделить с прежними руководствами ответственность за прошлое.

И предлагаю четко сформулировать в пункте 22-м Устава ССП все те гарантии защиты, которые предоставляет Союз членам своим, подвергшимся клевете и несправедливым преследованиям — с тем, чтобы невозможным стало повторение беззаконий.

Если Съезд не пройдет равнодушно мимо сказанного, я прошу его обратить внимание на запреты и преследования, испытываемые лично мною:

1. Мой роман «В круге первом» (35 авт. листов) скоро два года, как отнят у меня государственной безопасностью, и этим задерживается его открытое редакционное продвижение. Напротив, еще при моей жизни, вопреки моей воле и даже без моего ведома этот роман «издан» противозаконным «закрытым» изданием для чтения в набранном незнакомом кругу. Мой роман стал доступен литературным чиновникам, от большинства же писателей его прячут. Добиться открытого обещания романа в писательских секциях, отратить злоупотребления и плагиат я не в силах.

2. Вместе с романом у меня отобран мой литературный архив 20- и 15-летней давности, вещи, не предназначенные к печати. Теперь закрыто «изданы» и в том же кругу распространяются тенденциозные извещения из этого архива. Пьеса «Пир победителей», написанная мною в стихах наизусть в лагере, когда я ходил под четырьмя номерами (когда, обреченные на смерть вэмором, мы были забыты обществом и вне лагерей никто не выступил против репрессий), — давно покинутая, эта пьеса приписывается мне теперь как самоновейшая моя работа.

3. Уже три года ведется против меня, всю войну провожавший командира батареи, награжденного боевыми орденами, безответственная клевета: что я отбывал срок якобы как уголовник, или сдался в плен (я никогда там не был), «изменил Родине», «служил у немцев». Так истолковываются 11 лет моих лагерей и ссылки, куда я попал за критику Сталина. Эта клевета ведется на закрытых инструктажах и собраниях людьми, занимающими официальные посты. Тщетно я пытался остановить клевету обращением в Правление ССП РСФСР и в печать: Правление даже не откликнулось, ни одна газета не напечатала моего ответа клеветникам. Наоборот, клевета с трибун против меня в последний год усилилась, ожесточилась, использует искаженные материалы конфискованного моего архива — я же лишен возможности на нее ответить.

4. Моя повесть «Раков 'я корпус» (25 авт. листов), одобренная к печати (1-ая часть) секцией прозы московской писательской организации, не может быть издана ни отдельными главами (отвергнута в пяти журналах), ни тем более целиком (отвергнута «Новым миром», «Звездой» и «Простором»).

5. Пьеса «Олень и шалаповка», принятая театром «Современник» в 1962 году, до сих пор не разрешена к постановке.

6. Киносценарий «Знают истину танки», пьеса «Свет, который в тебе», мелкие рассказы («Правая кисть», серия «Крохотных») не могут найти себе ни постановщика, ни издателя.

7. Мои рассказы, печатавшиеся в журнале «Новый мир», не передаются отдельной книгой ни разу, отвергаются всюду («Советский писатель», Гослитиздат, «Библиотека Огонька») и таким образом недоступны широкому читателю.

8. При этом мне запрещаются и всякие другие контакты с читателями: публичное чтение отрывков (в ноябре 1966 г. из таких уже договоренных 11 выступлений было в последний момент запрещено 9) или чтение по радио. Да просто дать рукопись «прочсть и переписать» у нас теперь под уголовным запретом (древнерусским писцам пять столетий назад это разрешалось).

Так моя работа окончательно заглушена, замкнута и обоглана.

При таком грубом нарушении моих авторских и «других» прав — возьмется или не возьмется IV Всеобщий Съезд защитить меня? Мне кажется, этот выбор немаловажен и для литературного будущего кое-кого из делегатов.

Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполняю при всех обстоятельствах, а из могилы — еще успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть. Но может быть многие уроки научат нас, наконец, не останавливать пера писателя при жизни?

Это еще ни разу не украсило нашей истории.

Солженицын А. И.